

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ЕСТЕТИКИ ТА ПОЕТИКИ ЛІТЕРАТУРНОГО ТВОРУ

УДК 821.111.82-191

К.А. ВЕЛЬЧЕВА,

*старший преподаватель кафедры английской филологии и перевода
Днепропетровского университета экономики и права
имени Альфреда Нобеля*

АЛЛЕГОРИЯ ПУТИ В ПОЭМЕ У. ЛЕНГЛЕНДА «ВИДЕНИЕ О ПЕТРЕ ПАХАРЕ»

В статье исследуется семантика образа пути в аллегорической поэме «Видение о Петре Пахаре» У. Ленгленда. Анализируется хронотоп пути и его роль в раскрытии проблематики поэмы.

Ключевые слова: видение, аллегория, персонификация, время, пространство.

XIV век в Англии стал временем формирования национальной традиции, зарождения тенденций, характерных для английской литературы в последующие века. Английская поэзия этого периода представлена яркими именами Джеффри Чосера, Уильяма Ленгленда, Джона Гауэра. Опираясь на достижения средневековой литературы, творчество каждого из них несет черты неповторимого своеобразия.

Нам кажется важным обратиться к анализу аллегорической поэмы Ленгленда «Видение о Петре Пахаре», так как она не только вызвала резонанс среди современников, но и оказала сильное влияние на английскую поэзию Возрождения, в частности на творчество Эдмунда Спенсера. Только первые семь глав поэмы были опубликованы на русском языке в переводе Д.М. Петрушевского [5]. «Видению о Петре Пахаре» посвящена обзорная статья академика М.П. Алексеева [1], некоторые аспекты поэмы были затронуты в книге М.К. Поповой «Аллегория в английской литературе Средних веков» [10], произведение также становилось объектом исследований М.И. Николы [6–9]. Этим, насколько нам известно, изучение поэмы в советском и российском литературоведении ограничивается. В украинской науке творчество Ленгленда вообще пристально не рассматривалось. Между тем изучение «Видения о Петре Пахаре» необходимо для раскрытия специфики английской литературы Предвозрождения и понимания традиции, повлиявшей на английскую аллегорическую литературу Возрождения.

Аллегория играла важную роль в литературном процессе XIV века. Как форма мироощущения, «способ понимания и художественного отражения окружающего мира» [10, с. 8] аллегория существовала на протяжении всего средневековья. Человеку было свойственно искать скрытый смысл во всех проявлениях окружающего мира, который понимался как написанная Богом книга. Такое мировосприятие, определяемое В.В. Бычковым как символично-аллегорическое [2], повлияло на распространение аллегории как художественного средства. Попова подчеркивает, что «аллегория как художественный прием применялась практически во всех жанрах средневековой литературы. ... Аллегория определяет художественную структуру таких жанров, как словопрения, видения, притчи, моралите» [10, с. 33].

Аллегорические персонажи, которыми «населено» художественное произведение, могут совершать различные действия. А. Флетчер выделил два типа фабулы или две парадигмы действий аллегорических персонажей: сражение и движение. Парадигма сражения характерна также для спора и диалога. К парадигме движения исследователь отнес путешествие в поисках приключений или истины, шествие семи Смертных грехов, танец Смерти, энциклопедические и космогонические аллегории [10, с. 33–34].

Жанр видения часто строится на основе парадигмы движения. Традиционно в религиозном видении сновидец совершает загробное путешествие, посещает ад, чистилище и рай или только какую-либо часть загробного мира. Творческое воображение автора, как правило, насыщает картины ада большим количеством ярких подробностей, рай изображается значительно более стереотипно [8, с. 9]. В светском видении сновидец перемещается в некий фантастический мир, придуманный автором. Такой вариант видения представлен «Романом о Розе» и ранними поэмами Чосера. Традиции религиозного видения продолжают и развивают «Божественная комедия» Данте и «Видение о Петре Пахаре» Ленгленда. Сравнивая эти две аллегорические поэмы, Никола приходит к выводу, что «Ленгленд идет дальше Данте, отказываясь и от проецирования действительного мира на мир потусторонний и от поддержания иллюзии инобытия; он прямо переносит действие видения в плоскость земной, «посюсторонней» жизни» [7, с. 22]. В поэме Ленгленда события видения происходят в Англии XIV века, в Иерусалиме, а также в местности, не имеющей четких пространственных характеристик. Как и «Божественная комедия», «Видение о Петре Пахаре» обладает морально-религиозной проблематикой: в центре внимания автора – современное состояние нравов, он озабочен поиском способов спасения души.

Символика пути присутствует во многих культурах мира. «Прохождение пути всегда связано с преодолением трудностей, препятствий, поэтому путь также символизирует инициацию, обряд посвящения, приобщения к прежде недоступному знанию, обретение мудрости, житейской или сакральной» [3, с. 487]. «Концепция пути всегда связана с тайной спасения» [4, с. 407]. В культуре христианской важным становится образное библейское описание добродетельной и греховной жизни: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7: 13–14). Библия дает многочисленные примеры странствий пророков и Иисуса Христа. Помимо этого, в реальной жизни странствия совершали многие современники Ленгленда, которые отправлялись в паломничества и посещали святые места в надежде обрести спасение души.

В жанре видения «структурообразующим элементом сюжета» выступает фигура сновидца [8, с. 9]. В поэме Ленгленда этот образ выполняет именно такую функцию, скрепляя воедино разнородные части сюжета произведения. Увиденное излагается от первого лица. Основная доля изображенных событий приходится на сновидения. Социальное положение сновидца точно не определено, его имя – Уилл – называется только с середины поэмы. Уилл показан в произведении в состояниях сна и бодрствования, они чередуются, эпизоды бодрствования обрамляют сны. Граница перехода между ними всегда четко определена. Но оба состояния объединяет мотив пути: рассказчик совершает странствия как во сне, так и наяву. Уилл не единственный персонаж в поэме, который отправляется в путь. Массовое паломничество предпринимает толпа кающихся грешников в первой части поэмы, по дороге сновидец встречает различные аллегорические персонажи и некоторое время путешествует с ними вместе, в конце поэмы в путь отправляется Совесть, движимый желанием найти Петра Пахаря. Мотив пути лежит в основе сюжетного ряда и помогает автору выстроить идейный комплекс произведения. Объект поиска в поэме несколько раз меняется: толпа грешников ищет Истину, после этого сновидец хочет узнать, что такое Делай-хорошо, Делай-лучше и Делай-лучше-всего, далее он желает увидеть Петра Пахаря. Этот поиск приводит сновидца к пониманию концепции христианской любви к ближнему, помогает ему прочувствовать и осознать то, о чем он услышал в первом сновидении от Святой Церкви.

«Видение о Петре Пахаре» состоит из пролога и двадцати глав, которые у Ленгленда названы *passus* (лат. шаг). Таким образом, само членение поэмы на главы показывает, что ее композиция строится как движение вперед, состоящее из последовательных шагов. Перемещения Уилла в пространстве, связанные с его интеллектуальными и духовными поис-

ками, подразумевают его развитие и приближение к пониманию высших истин и ценностей.

Пролог открывается сообщением сновидца о том, при каких обстоятельствах ему явилось видение:

In a sommer seson, whan soft was the sonne,
I shoe me in shroudes as I shepe were,
In habite as an heremite unholy of workes,
Went wyde in this world wondres to here.

Летнею порою, когда солнце грело,
Надел я грубую одежду, как будто я был
пастухом,
Платье пустытника, вовсе не святого по
своим делам,
И пошел бродить по этому широкому свету,
чтобы послушать о его чудесах [5, с. 42–43].

Иными словами, Уилл праздно скитается без определенной серьезной цели, живя в греховности. Цель поиска появляется у него в результате опыта, пережитого во сне. Задремав, Уилл видит башню на возвышении, под ней – темницу в долине, между ними – поле, полное людей. Этот пейзаж аллегорически изображает выстроенную вертикально средневековую картину универсума, то есть рай, ад и человечество. Спящему Уиллу является леди Святая Церковь и объясняет значение увиденного, а также учит его, что для спасения души необходима любовь. Далее рассказчик наблюдает сцену свадьбы леди Мид (имя этого аллегорического персонажа переводится как «мзда, взяточничество»), присутствует при исповеди семи смертных грехов. После этого толпа кающихся отправляется на поиски Истины, но никто не знает, где найти святого с таким именем. Рассказчик не сообщает о том, что он сам движется в этой толпе, но обстоятельства странствия этих людей ему хорошо известны. Создается впечатление, что сновидец остается на месте, его положение статично, а события «проплывают» перед его взором.

У кающихся есть цель поиска, но они не знают верного направления пути, «потому они блуждали, как звери, по берегам и холмам» [5, с. 205]. Беспорядочные передвижения толпы напоминают суету людей на поле-человечестве в прологе. Уже осознав необходимость поиска, они не в состоянии самостоятельно пройти трудный путь духовного совершенствования и нуждаются в руководстве. По дороге странники встречают пилигрима, идущего с Синая и от гроба Господня. Он рассказывает о своем паломничестве:

In Bethleem and in Babiloyne I haue ben in bothe,
In Ermony, in Alisaundre, in many other places.
Ye may se bi my signes that sitten on myn hatte,
That I haue walked ful wyde in wete and in drye,
And soughte gode seyntes for my soules helth.'

Я был в Вифлиеме и в Вавилоне,
В Армении, в Александрии и во многих
других местах.
Вы можете видеть по моим памяткам,
которые сидят у меня на шляпе,
Что я очень далеко странствовал и в
дождь, и в засуху
И посещал божьих святых для блага
моей души» [5, с. 206–207].

Пилигрим совершал путешествия по святым местам, но никогда не слышал о «святом муже» по имени Истина. Таким образом, перемещения в пространстве не становятся для него духовным путем. По мысли автора, одни путешествия по святым местам не дают человеку возможности приблизиться к спасению души.

Духовное паломничество кающимся может помочь совершить только простой пахарь Петр. Он берет за указание путь к Истине, вехами которого являются библейские заповеди. Автор выстраивает из них особую географию, прибегая, как отмечает М.И. Никола, к «овеществлению идей» [7, с. 26]:

"And so boweth forth by a brook, "" Beth-
buxom-of-speche',
[Forto] ye fynden a ford, " Youre-fadres-
honoureth' :

А затем направляйтесь мимо ручья *Будьте скромны в своей речи,*
Пока не найдете канала *Чтите ваших отцов.*

...

...

And so shaltow se “Swere-noght-but-if-it-be-for-nede- And-nameliche-on-ydel-the-name-of-God-Almyghty.” “Thanne shaltow come by a croft, but come thow noght therinne: The croft hatte “” Coveite-noght-mennes-catel-ne-hire-wyves- Ne-noon-of-hire-servants-that-noyen-hem-myghte.”	И тогда ты увидишь <i>Не клянись, разве только по нужде, И в особенности не клянись всуе именем Бога всемогущего.</i> Затем ты будешь проходить мимо огорода, но не входи в него; Этот огород называется <i>Не пожелай скота ближнего своего, ни жены его, Ни единого из слуг его, что может нанести ему урон.</i>
... “Two stokkes ther stondest. ac stynte th[ow] noght there: Thei highte “”Stele-noght” and “” Sle-noght”-- strik forth by bothe,	... Два пня стоят там, но вы там не останавливайтесь, Они называются <i>Не укради, Не убий;</i> быстро проходите мимо них обоих.
... “Thanne shaltow blenche at a bergh, “Bere-not-ais-witnesse”; He is frythed in with floryns and othere fees manye:	... Затем ты повернешь мимо холма <i>Не лжесвидетельствуй.</i> Он обсажен флоринами и множеством другого добра.
... “ Thanne shalt thow see “” Seye-sooth-so-it-be-to-doone In-no-manere-ellis-noght-for-no-mannes-biddynge.”	... Затем вы увидите <i>Говори правду, так должно быть сделано, И никоим образом иначе, кто бы об этом ни просил</i> [5, с. 208–211].

В индульгенции, которая дарована Петру Истиной, сказано, что спасется делающий добро и поступающий хорошо. После пробуждения и в дальнейших сновидениях рассказчик хочет узнать, что же такое *Делай-хорошо*, поэтому отправляется на поиски аллегорического персонажа с таким именем. Массовое паломничество сменяется индивидуально предпринятым путешествием рассказчика. В центре внимания поэмы – его личные интеллектуальные и духовные искания, аллегорически изображенные как странствие. Наяву рассказчик размышляет о сне, жалеет о том, что во сне не увидел большего, продолжает поиск того, кого искал во сне. Во время странствий во сне он встречается с различными персонажками. Среди них – Мысль, Ум, Воображение, Обучение, Ученость, Природа, Совесть, Терпение, Бедность, Вера, Надежда, Любовь. Эти образы строятся на основе олицетворения понятий различных типов – этапов работы интеллекта, свойств человеческой психики и характера, существующих независимо от человека внешних реалий, базовых понятий христианской религии. Таким образом, путь во сне является и путешествием во «внутреннем» пространстве рассказчика, и во внешнем объективном пространстве, и в пространстве христианской идеологии.

Созданию образа пути способствуют глаголы движения («went wide» [5, с. 42], «I hadde faren a fourlonge» [5, с. 152], «my waye ich yede» [5, с. 262], «romed aboute» [11], «forth gan I walke» [11], «wente I forth after» [11]). В некоторых случаях хронотоп пути прерывается хронотопом архитектурного пространства. Так, в поэме дается подробное описание жилища Истины, представленное как гипотетическая цель поиска, в которое участники поиска не входят. В ходе странствий сновидец попадает ко двору Учености (автор здесь акцентирует внимание на действии, разворачивающемся внутри помещения, а не на его описании). На глазах у читателя происходит строительство амбара для хранения зерен добродетели под названием Единство, аллегорически представляющего церковь, в который сновидец входит в конце поэмы. Время и место странствия рассказчика достаточно условны. Иногда он сообщает, сколько времени провел на каком-либо отрезке пути («Thought and I thus thre daies we yeden» / «три дня Мысль и я шли вместе» [11]). В поэме нет подробного описания местности, через которую он идет. Предстоящий путь точно очерчен только в тех случаях, когда аллегорический персонаж хочет преподать сновидцу четкий свод правил поведения.

Помимо уже процитированного отрывка, где Петр Пахарь наставляет кающихся на путь библейских заповедей, подобным образом построено описание дороги от Обучения к Учености. Дама Обучение обращается к сновидцу:

“Aske the heighe wey,’ quod she, – hennes to Suffre-
Bothe-wele-and-wo, if that thow wolt lerne;
And ryd forth by richesse, ac rest thow noght therinne,
For if thow couplest thee therwith to Clergie comestow nevere.
“And also the likerouse launde that Lecherie hatte--
Leve hym on thi left half a large myle or moore,
Til thow come to a court, Kepe-wel-thi-tunge-
Fro-lesynges-and-lither-speche-and-likerouse-drynkes.
Thanne shaltow se Sobretee and Sympletee-of-speche,
That ech wight be in wille his wit thee to shewe;
And thus shaltow come to Clergie, that kan manye thynges.

«Спрашивай прямой путь, – сказала она, – отсюда к Страдай-
И-в-счастье-и-в-беде, если ты хочешь это выучить;
Проезжай мимо богатств, не останавливайся там,
Ибо если ты привяжешься к ним, то никогда не придешь к Учености.
А также распутная земля, которая зовется Разврат –
Оставь ее слева от себя на хорошую милю или больше,
Пока не придешь ко двору Держи-хорошо-свой-язык-
От-лжи-и-клеветы-и-распутных-напитков.
Тогда увидишь Трезвость и Простоту-речи,
С которыми каждый человек охотно поделится с тобой своим умом;
И таким образом придешь ты к Учености, который знает многие вещи [11].

Так, представляя абстрактные правила в виде конкретных элементов пространства, автор предлагает читателю некий кодекс поведения, демонстрируя характерную для средневекового человека способность «ставить знак равенства между материальным и нематериальным, между конкретно-чувственным и понятийно-абстрактным» [10, с. 17].

Хотя пространство в прологе организовано по принципу готической вертикали, в своих исканиях сновидец перемещается в горизонтальной плоскости. Исключение составляют только два эпизода. В одиннадцатой главе Природа возносит Уилла на гору Середина-земли, чтобы показать чудеса мира природы и вызвать у него восхищение замыслом Творца. В восемнадцатой главе Уилл спускается к вратам ада, где слышит требование Христа открыть ворота и выпустить избранных, однако сам ад сновидец не посещает. Никаких подробностей спуска или подъема автор не приводит, акцент делается на том, что рассказчик увидел, и его чувствах при этом. Аллегорические башня на возвышении и темница в долине, которые Уилл видит только издалека, представляют два нравственных полюса притяжения для человечества и придают времени и пространству поэмы глобальный масштаб.

Проснувшись, рассказчик находится под влиянием увиденного. Он размышляет о приснившемся, жалеет о том, что во сне не увидел большего, продолжает поиск того, кого искал во сне. Наяву у рассказчика нет поводыря. В отличие от странствия во сне, в состоянии бодрствования лишь однажды топос пути соединяется с топосом встречи. Уилл видит двух монахов, задает им вопросы и выслушивает ответы, что повторяет ситуации встреч во сне. Монахи не могут удовлетворить интеллектуальные и духовные запросы сновидца, и это состояние неудовлетворенности порождает череду встреч с персонифицированными абстракциями во сне.

Иногда рассказчик упоминает, сколько времени он путешествовал («er I hadde faren a fourlonge» / «прежде, чем я прошел ферлонг» [5, с. 152–153], «after my wakynge it was wonder longe» / «прошло много времени» [11]), прежде, чем снова уснул. В некоторых случаях фигурирует время года, когда Уилл увидел сон: это, как и в прологе, лето. Местность, по которой он бродит, не названа. Только один раз сообщается, что он бродил «by a wilde wildernesse, and by a wodes side» / «по дикой пустынной местности и на опушке леса» [11]. Кроме того, рассказчик говорит, что окружающие считали его поведение неподобающим. Он не оказывал почтения лордам и леди «in pelure with pendaunts of silver» / «в мехах с се-

ребряними подвесками» [11], адвокатам или другим высокопоставленным особам. Можно заключить, что Уилл бродил по большому городу, возможно, это был Лондон. Внимание также уделяется психологическому состоянию рассказчика во время его странствий наяву. Он «wittees nerhande» / «почти обезумевший» [11], «so my wit weex and wanyed til I a fool weere» / «у меня то прибывало, то уменьшалось ума, пока я не стал дураком» [11].

Начиная с семнадцатой главы местность, по которой во сне идет Уилл, идентифицируется как дорога в Иерусалим. Он продвигается в сопровождении Веры и Надежды, в образах которых узнаваемы Авраам и Моисей. Автор органично вплетает в повествование библейскую притчу о добром самаритянине. Пространство пути рассказчика срастается с пространством притчи:

And as we wenten thus in the wey, wordynge togideres, Thanne seighe we a Samaritan sittynge on a mule, Ridynge ful rapely the righte wey we yeden, Comynge from a contree that men called Jerico-- To a justes in Jerusalem he [j]aced away faste.	И когда мы так шли, споря, нашей дорогой, Мы увидели самаритянина, который сидел на муле И очень быстро ехал той же дорогой, что и мы, Из страны, которую люди называют Иерихон, – Он спешил на турнир в Иерусалим [11].
--	--

Вслед за библейскими комментаторами у Ленгленда повторяется и развивается параллель между образами самаритянина и Христа, в которых основное звучание в общем контексте поэмы приобретает мотив любви, один из центральных в «Видении». Сновидец проходит путь Христа, видит распятие и воскресение, соперечивает и духовно перерождается. Теперь после пробуждения его путь лежит в церковь.

Однако завершение цикла поиска переходит в начало нового витка, композиция поэмы оказывается разомкнутой. Вскоре после того, как Уилл во сне укрывается в Единстве от атаки Антихриста и грехов, выясняется, что оно почти разрушено. Так как амбар Петра Пахаря уже не способен выполнять свои функции спасения грешников, Совесть отправляется на поиски самого Петра Пахаря.

Образ пути также аллегорически представляет в поэме человеческую жизнь. Воображение сообщает сновидцу, что следовал за ним сорок пять лет, в конце поэмы Уилла атакует Старость. Таким образом, рассказчик изображен на разных этапах своей жизни, он меняется не только духовно, но и физически.

Образ пути в поэме представляет собой многоуровневую аллегорию. В буквальном смысле он выглядит как посещение определенных мест в некотором географическом пространстве. Кроме того, понятие пути служит для обозначения человеческой жизни, которая также разворачивается во времени и пространстве. Продвижение сновидца вперед символизирует его моральное совершенствование, а также приближение к Богу.

Список использованной литературы

1. Алексеев М.П. Видение о Петре Пахаре / Михаил Алексеев // Из истории английской литературы. Этюды, очерки, исследования. – М.-Л., Гослитиздат, 1960.
2. Бычков В.В. Образ // Бычков В.В. Эстетика отцов церкви. – Институт философии Российской академии наук. Научно-издательский центр «Ладомир». – М., 1995. – Режим доступа: http://www.krotov.info/libr_min/b/bulgakovs/bychkov00/html
3. Королев К. Путь / К. Королев // Энциклопедия символов, знаков, эмблем. – М.: Эксмо; СПб. : Мидгард, 2005.
4. Куклев В. Путь / В. Куклев // Энциклопедия символов, знаков, эмблем. – М.: Астрель-Миф, 2002.
5. Ленгленд У. Видение Уильяма о Петре Пахаре / У. Ленгленд // Видение Уильяма о Петре Пахаре [пер. Д.М. Петрушевского] – Л.: Издат. Акад. Наук СССР, 1941.
6. Никола М.И. «Видение о Петре Пахаре» У. Ленгленда. Своеобразие жанра / Марина Никола // Метод и жанр в зарубежной литературе. – Вып. 4. – М., 1979.

7. Никола М.И. «Видение о Петре Пахаре» У. Ленгленда как явление английского Предвозрождения / Марина Никола // Художественное произведение в литературном процессе / на материале Англии/. – М., 1985.

8. Никола М.И. Сюжетно-композиционные особенности средневековых видений / Марина Никола // Проблемы литературных жанров. Материалы четвертой научной межвузовской конференции. – Томск: Изд-во Томского университета, 1983.

9. Никола М.И. Эволюция средневековых видений и «Видение о Петре Пахаре» Уильяма Ленгленда. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / М.И. Никола. – М., 1980.

10. Попова М.К. Аллегория в английской литературе Средних веков / Мария Попова // Аллегория в английской литературе Средних веков. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993.

11. William Langland's The Vision of Piers Plowman [перевод осуществлен автором статьи] – Режим доступа: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=cme;idno=PPLan>.

У статті досліджується семантика образу шляху в алегоричній поемі «Видіння про Петра Орача» У. Ленгленда. Аналізується хронотоп шляху та його роль у розкритті проблематики поеми.

Ключові слова: видіння, алегорія, персоніфікація, час, простір.

The article researches into the meaning of the image of way in the allegorical poem «The Vision of William Concerning Piers the Plowman» by W. Langland. The author of the article analyses the chronotop of way and its role in revealing the problematics of the poem.

Key words: vision, allegory, personification, time, space.

Надійшло до редакції 8.02.2011.